

Лонг Вильям

На крайнем севере

**По тропинкам и дорожкам.
Очерки из жизни животных на
крайнем севере**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В46

В46 **Вильям Л.**
На крайнем севере: По тропинкам и дорожкам. Очерки из жизни животных
на крайнем севере / Лонг Вильям – М.: Книга по Требованию, 2022. – 366 с.

ISBN 978-5-519-93862-4

ISBN 978-5-519-93862-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

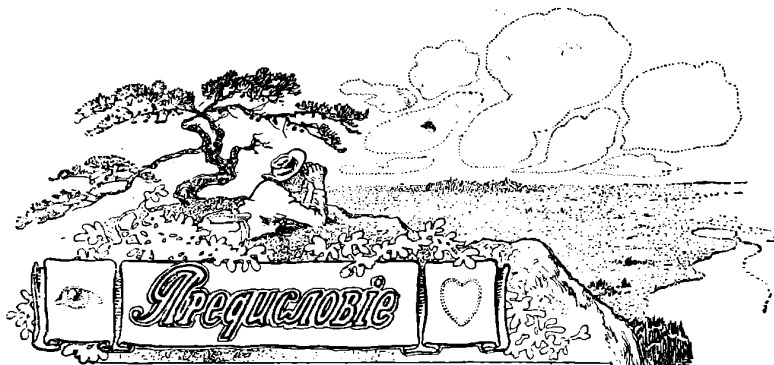
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Читатель, который вздумаетъ пойти по этимъ тропамъ, увидить, что онѣ приведутъ его въ новую для него страну, обширную и молчаливую, гдѣ такъ привольно и легко дышется среди горъ, лѣсовъ, рѣкъ, населенныхъ лососями и мшистыхъ пустынныхъ земель Лабрадора и Ньюфаундленда. Тамъ онъ встрѣтится съ новыми животными—съ бѣлымъ волкомъ, буницей, лососемъ, дикимъ гусемъ, полярнымъ медвѣдемъ и съ множествомъ другихъ крупныхъ и мелкихъ животныхъ, которыя, увидавъ невѣдомаго пришельца, бросятъ свою молчаливую охоту и станутъ оглядывать гостя съ довѣрчивымъ любопытствомъ. Въ свою очередь, онъ отложитъ въ сторону ружье, забудетъ на минуту о своихъ хищническихъ замыслахъ, и также примется наблюдать за этими животными, не одними только глазами, но и сердцемъ, стараясь безъ всякаго предвзятаго мнѣнія узнать, чѣмъ они занимаются, а потомъ, по мѣрѣ возможности,

2 стараясь понять какъ и почему они поступаютъ такъ или иначе: почему, напримѣръ, большой полярный волкъ щадить легкомысленно нападающаго на него сѣвернаго оленя; почему дикіе гуси не знаютъ страха у себя дома; почему дѣтеныши тюленя рождаются бѣлыми; какимъ образомъ лосось карабкается по водопаду, не репрыгнуть который онъ не въ силахъ, и почему онъ спѣшить обратно въ море, когда раненъ; какъ разговариваетъ нѣмой китъ; что заставляетъ куницу запутывать свой слѣдъ, или класть рядомъ съ нимъ приманку для преслѣдующаго ее охотника,— все это и множество другихъ любопытныхъ чертъ можно подмѣтить и понять, когда дойдешь до конца слѣдovъ любого звѣря.

Читатель, который до того самъ никогда не ходилъ по такимъ слѣдамъ, тотчасъ же спросить: правда ли все это? Малѣйшій записанный здѣсь случай настолько соответствуетъ истинѣ, насколько этого можно достигнуть путемъ самаго тщательнаго и внимательнаго наблюденія. Почти во всѣхъ послѣдующихъ главахъ этой книги, какъ и въ предшествовавшихъ ей сочиненіяхъ, читатель найдетъ непосредственные плоды моихъ личныхъ наблюденій надъ животными; а въ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ, какъ это прямо указано въ текстѣ, мнѣ приходилось пользоваться опытомъ другихъ болѣе свѣдущихъ лицъ, я всегда бралъ факты изъ первыхъ рукъ у внимательныхъ изслѣдователей, а затѣмъ подвергалъ ихъ тщательному пересмотру и выбиралъ изъ нихъ только такіе, достовѣрность которыхъ, по моему личному убѣжденію, не

подлежала никакому сомнѣнію. Въ длинномъ разсказѣ о Бѣломъ Волкѣ или Уэйезисѣ напимѣрь,— въ которомъ я для большаго интереса собралъ отдѣльные факты въ болѣе или менѣе связную біографію,— каждый случай въ жизни этого волка, начиная съ младенческой охоты на кузнечика и кончая искусной погоней за оленями, отъ пещеры въ скалахъ до встрѣчи волка съ дѣтьми на равнинѣ во время метели,— все до мельчайшихъ подробностей взято изъ дѣйствительной жизни и основано всецѣло на личномъ наблюденіи, моемъ собственномъ или моихъ знакомыхъ индѣйцевъ.

Лишь въ одномъ случаѣ, въ повѣсти о Лососѣ Кописиѣ я рѣшился отступить отъ этого правила абсолютной точности. Въ теченіе долгихъ лѣтъ я наблюдалъ и ѣздилъ по слѣдамъ лосося по морю къ мѣсту, гдѣ беретъ начало его родная рѣка, и по ней обратно въ море, такъ что вся эта часть его лѣтописи вполнѣ соответствуетъ дѣйствительности; но ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не могъ слѣдовать за нимъ въ морскую пучину или увидать его, когда онъ скрывается въ волнахъ. Поэтому я былъ вынужденъ, или совѣмъ пропустить эту часть его жизни, или изобразить ее, какъ умѣлъ, съ помощью воображенія и разсказовъ людей, занимающихся выводкой лососей, и моряковъ-рыболововъ. Ради занимательности разсказа я выбралъ послѣднее, такъ что эта часть изложенія не имѣетъ другой цѣльности, кромѣ исключительно литературной. Это—лишь догадка о возможной истинѣ, а не изложеніе тщательныхъ и точныхъ изслѣдованій, какъ вся остальная часть этой книги.

Если читателю часто придется подивиться мужеству, кротости или уму этихъ вольныхъ жителей пустыни, пусть это его не мало не озадачитъ и не потревожитъ. Вѣдь онъ вовсе не приписываетъ человѣческихъ свойствъ звѣрямъ, а просто убѣждается, какъ убѣждаются всѣ лица, близко наблюдавшія животныхъ, что многія ихъ черты пробуждаютъ сочувственный откликъ въ его собственномъ сердцѣ, который онъ понимаетъ болѣе или менѣе ясно, совершенно тѣмъ же путемъ, какъ онъ привыкъ понимать себя самого и своихъ собственныхъ дѣтей. Мы пришли къ такому взгляду на животныхъ и желанію понять ихъ не произвольно, а по необходимости. Если бы мы обладали точно установленными свѣдѣніями о психологіи животныхъ, основанными на положеніи, что жизнь одного животного существенно отличается отъ жизни другого, и что, напримѣръ, разумъ въ головѣ волка насколько не похожъ на разумъ, заключенный въ мозгу какого-нибудь другого двуногаго, а не четвероногаго животного, мы бы могли пользоваться нашими познаніями въ этой области, чтобы уяснить себѣ то, что мы увидимъ, когда пойдемъ по этимъ слѣдамъ. Но такой психологіи не существуетъ вовсе, а самое положеніе лишено всякаго основанія. Природа во всемъ сохраняетъ свою цѣльность и послѣдовательность. Капля воды представляетъ собою цѣлый океанъ, хотя и не носить кораблей на своемъ лонѣ; слезинка на щекѣ ребенка одинаково преломляетъ лучи свѣта въ роскошные цвѣта, какъ преломляется радуга въ брызгахъ и пѣнѣ Ніагарскаго водопада; и законъ сцѣпле-

нія, не дающій горамъ разсыпаться, заложенъ и въ мельчайшей песчинкѣ на морскомъ берегу. Когда намъ пужно измѣрить разстояніе между свѣтилами, мы не ищемъ новой небесной единицы мѣры, а спокойно пользуемся обыкновеннымъ аршиномъ или футомъ; та же химія, изучающая составъ пищи ребенка, служить намъ для изученія вещества спутниковъ Юпитера. Разумѣется, это не больше, какъ аналогія, но она помогаетъ намъ отыскивать пути въ области сознательной жизни, представляющей намъ воплѣтъ цѣльной и подчиненной однимъ и тѣмъ же законамъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Вдохновенные писатели всѣхъ временъ пытались познавать боговъ и ангеловъ съ помощью того же человѣческаго разума, который они примѣняли и къ муравьямъ и кроликамъ, все по той же причинѣ—потому что прилагали ко всему одну и ту же мѣрку жизни. Любовь и ненависть, страхъ и мужество, радость и горе, страданіе и наслажденіе, разныя потребности и удовлетвореніе ихъ,—однимъ словомъ, все, что занимаетъ такъ много мѣста въ жизни, все это существуетъ какъ у животныхъ, такъ и у людей, и чувства, заложенные въ нашихъ сердцахъ, различны лишь въ степени ихъ силы, а никакъ не по существу; и если мы хотимъ ихъ понять, мы должны измѣрять ихъ одной общей мѣркой. Называть одну и ту же черту разумомъ у одного существа, и рефлекторнымъ дѣйствіемъ у другого, или считать то же самое проявленіе любовью или добротой у одного и слѣпымъ импульсомъ у другого,—значить, быть самимъ еще болѣе слѣпыми, чѣмъ тотъ инстинктъ,

который, какъ мы думаемъ, управляетъ животными. Поэтому до тѣхъ поръ, пока мы не откроемъ какой-нибудь новой химіи, которая будетъ совершенно игнорировать атомы и законы атомовъ, и какой-нибудь новой психологіи, которая абсолютно отвергнетъ разумъ у животныхъ, или будетъ разсматривать его, руководствуясь совершенно другими законами, чѣмъ тѣ, которымъ мы сами подчиняемся,—до тѣхъ поръ мы должны прилагать то, что намъ извѣстно о насъ самихъ, и наши собственные побужденія, къ болѣе мелкимъ и слабѣйшимъ организмамъ, съ которыми мы находимся хотя бы и въ отдаленномъ родствѣ.

Желая скрыть свою собственную слѣпоту и недостатокъ наблюдательности, мы часто дѣлаемъ тайну изъ жизни животныхъ и затемняемъ ее, употребляя слово инстинктъ; точно инстинктъ является какою то таинственною и исключительной особенностью, свойственною однимъ лишь животнымъ, а не общимъ наслѣдствомъ, которое мы съ ними раздѣляемъ. Въ лучшемъ случаѣ это не больше, какъ понятіе лишенное всякаго значенія, такъ какъ до сихъ поръ никто не могъ точно опредѣлить, что такое инстинктъ, никто не могъ съ точностью установить, гдѣ онъ кончается и гдѣ начинается сознательный умъ, или показать, въ чемъ первоначальные инстинкты ребенка отличаются отъ инстинктовъ всякаго другого животного. Съ другой стороны, тотъ, кто близко и дружелюбно наблюдаетъ за животными, можетъ судить по тому, что ему приходится видѣть, что мотивы, управляющіе дѣй-

ствіями животнаго, часто очень сходны съ нашими, вся разница состоитъ въ томъ, что побужденія его проще и естественнѣе, чѣмъ у насъ, и что у выспихъ животныхъ большая часть жизни—какъ-то забавы, работа, добываніе пищи, устройство жилища, старанье перехитрить другихъ животныхъ, избѣжать ловушекъ и укрыться отъ врага,—все это направляется отнюдь не слѣпымъ инстинктомъ, а наоборотъ, чрезвычайно тонкимъ и бдительнымъ умомъ. Умъ этотъ беретъ начало въ пользованіи прирожденными способностями и крѣпнеть въ ихъ ежедневномъ упражненіи; онъ поощряется и развивается материнскимъ воспитаніемъ и примѣромъ, когда она выводитъ своихъ дѣтенышей на свѣтъ Божій, и совершенствуется личнымъ опытомъ животнаго, который оно припоминаетъ каждый разъ, когда сталкивается съ новыми жизненными проблемами, точь въ точь какъ поступаемъ и мы. Жизнь дикаго звѣря, конечно, можетъ стоять на несравненно низшемъ уровнѣ, чѣмъ наша, но онъ много живетъ въ той же пріятной области, являющейся границей между мышленіемъ и чувствомъ, гдѣ мы и сами часто находимся въ минуты покоя, и нѣтъ никакой нужды окружать его какой-то таинственностью, туманно говоря объ инстинктѣ, разъ большая часть его жизни вполне соотвѣтствуетъ нашей собственной и становится намъ ясной съ той минуты, какъ мы отбрасываемъ всякіе предразсудки и враждебное отношеніе и слѣдимъ за нимъ съ терпѣливымъ и дружелюбнымъ интересомъ.

Я вовсе не утверждаю, что животныя разсуждаютъ, мыслятъ или чувствуютъ, какъ люди—мужчины и жен-

щины. Я слишкомъ долго наблюдалъ за ними, чтобы такъ думать, и когда мнѣ приходится сидѣть близъ селенія бобровъ въ тихія сумерки, среди дѣвственной природы, мой умъ и зрѣніе слишкомъ заняты тѣмъ, что мнѣ приходится видѣть, чтобы дѣлать какія-либо сравненія съ далекими шумными городами людей. Но тутъ передо мной лежитъ жизнь, которую нужно сначала понять, а затѣмъ уже изображать,— настоящая жизнь, а не автоматическое явленіе, съ своими собственными радостями и горестями, съ своими задачами и своимъ разумомъ, и единственно возможный способъ уяснить себѣ эту жизнь—это поставить себя на минуту на ея мѣсто и приложить къ ней мѣрку той жизни, которая одна мнѣ знакома и понятна, то есть своей собственной. Такой способъ не только не призраченъ и не сантименталенъ, какъ насъ хотятъ убѣдить въ этомъ творцы механической естественной исторіи, но, наоборотъ, является единственнымъ рациональнымъ и возможнымъ для уясненія какого бы то ни было дѣйствія животныхъ. Итакъ, захочетъ ли читатель узнать факты изъ жизни животныхъ, или мотивы, ими управляющіе, и въ томъ и другомъ случаѣ пусть онъ пойдетъ по этимъ слѣдамъ, какъ я когда-то шелъ по нимъ, съ одной мыслью увидать все своими собственными глазами и понять собственнымъ сердцемъ. Онъ увидитъ многое, что останется для него непонятнымъ, и потому будетъ съ уваженіемъ прислушиваться къ рассказамъ Ноэля и старика Тома, болѣе пятидесяти лѣтъ прожившихъ въ близкомъ общеніи съ жителями лѣсовъ. И пройдя по слѣду, онъ